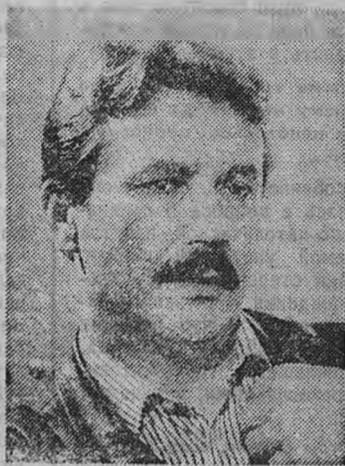

ГУРА

Фильмы Вадима Абдрашитова не просто неординарное и серьезное явление советского кинематографа, но и определенное достижение современного киноискусства. Об этом достаточно красноречиво говорят многочисленные награды, которыми отмечены работы Абдрашитова и его неразлучного соавтора — сценариста Александра Миндадзе. Буквально с первой же ленты их совместного творчества — «Слово для защиты» (1977 г.) — премия Ленинского комсомола и почетный диплом на фестивале цветных фильмов в Барселоне, премия на X ВКФ в Риге. Напомним еще о специальном призе жюри XXV фестиваля авторских фильмов в Сан-Ремо за ленту «Охота на лис», «Золотую пластину» XXV Международного кинофестиваля неореалистического кино в Абеллино за режиссуру в картине «Парад планет» и специальную премию Итальянской ассоциации культуры «Серебряный Пегас» имени Э. Флайяно, полученную Миндадзе за литературный вклад в кинематограф.

Вадим АБДРАШИТОВ:

ДРУГОГО ВРЕМЕНИ НЕ БУДЕТ

АБДРАШИТОВ — счастливый человек, он снимает только то, что ему хочется.

— Точнее, — говорит Абдрашитов, — мы с Миндадзе никогда не делаем того, и, надеюсь, не будем делать, что противно нашему сознанию, даже если это и расхожится с общепринятыми взглядами. Особенно часто мы слышим упрек в заведомой усложненности картины. Упрек, на мой взгляд, абсолютно несправедливый, как и тот, что наши работы рассчитаны на элитарного зрителя. Они все сделаны предельно просто, хотя бы уже потому, что говорим мы о вещах действительно непостижимых. Бесспорно, нужен определенный социальный и гражданский уровень восприятия наших работ. Но, во-первых, такой уровень необходим для понимания любого серьезного произведения не только в кинематографе. Но — и это главное — к элитарности (в общепринятом смысле слова) это имеет отдаленное отношение. Напротив, мы ищем в зрителе достойного партнера и собеседника.

— Я бы сравнила, если такое возможно, язык вашего кино со стилистикой Андрея Платонова. Писатель, пишущий предельно просто и ясно, далеко не с первого прочтения понятен читателю.

— И это естественно. Чем больше видишь, тем больше постигаешь. Другое дело — книгу можно взять в любое время, а посмотреть фильм еще раз через какое-то время — проблема. Но самая главная проблема — это уровень нашей общей культуры: абсолютное незнание истории общества, в котором живем, литературы своей, не говоря уже о зарубежной. Неумение, а отсюда — нежелание думать. И хотя мое твердое убеждение, что поколение — категория не возрастная, но эрудация молодежи, с которой нам часто и много приходится встречаться, в общей своей массе просто убивает своей беспомощностью. Мы в этом виноваты — нам и исправлять положение.

— Так получилось, Вадим Юсупович, что для меня премьера «Плюмбума» состоялась в Алжире, в нашем культурном центре, куда на фильмы приходят много молодежи. И нас удивило, как свободно и глубоко воспринимали там этот фильм.

— Все объяснимо. Там более конкретны такие понятия, как «свобода» и «несвобода». Да и сама манера мыслить у подростков за рубежом иная. Их там в школе учат думать. И историю нашу они знают замечательно. Все ее знают, кроме нас. А у нас только за десятилетие семидесятых гладкая речь илюзорность ввелись не только в души старших, но и стали жизненным

правилом младших. И закрывать на это глаза нельзя. Ведь Руслан Путько в «Плюмбуме» — жуткая альтернатива инфантильности нашей молодежи.

— И ужасно в том, что Руслан от души, искренне думает: он исправляет положение. И власти ему хочется всерьез. А правда, что на одной из встреч со старшеклассниками на ваш вопрос, мог бы кто-нибудь из них арестовать своего отца, два мальчика ответили утвердительно!

— К сожалению, правда... Мы до недавнего времени воспитывались на том, что произведение искусства должно быть непременно чем-то вроде рецепта от любой нравственной болячки общества или личного кризиса человека. А поскольку наше кино никоим образом в данный ракурс не вписывается, то зритель иногда обижается: «Что же хотел сказать автор своим произведением?» А наша задача прежде всего — констатация явления в том жанре, в той форме, какой ее видит художник. И не в сложности формы дело, а в сложности жизни. Не надо воспринимать сюжет «Плюмбума» как конкретную реальность — это возможные реалии будущего, представление о будущем, предупреждение, что ли.

— Знаете, Вадим Юсупович, даже иногда страшновато бывает от вашего с Миндадзе провидения. Вспоминаю премьеру «Остановился поезд». Это ведь был шок: на дворе стоял восемьдесят второй год, аллей глобального застоя, а нам ерунчи тысячекратную лупу. И человек получил возможность рассмотреть, где подвиг, а где безответственность, защищенная воинствующей демагогией. И поезд-таки остановился... через три года.

Как вам удавалось снимать это тогда?

— Очень даже просто. Всегда отстаивали свою точку зрения. Не уступали в главном. В мелочах — было. Какое-то время (приличное) ходили без работы — были изгнаны со студии, преданы остракизму. И никто не в силах был нам помочь. Потом были прощены. Но, конечно, нам и везло — в ситуации Алексея Германа мы не были. Везло и в другом. Руководитель творческого объединения из Мосфильма, в котором сняты все наши ленты, Юлий Райзман — это имя не нуждается в дополнительных комментариях, — не очень расположен к картине «Парад планет», снятой раньше «Плюмбума». Вот он говорит, что «до сих пор не понимает, что происходит во второй половине фильма», и что он — «отдыхался на «Плюмбуме». Надеюсь, вам не надо объяснять, каковы полномочия у ру-

ководителя творческого объединения нашей киностудии? И тем не менее «Парад планет» вышел на экраны.

— И зрителю было предоставлено полное право думать сколько угодно на тему «почему остановился скорый поезд...» Потом выходит на экран «Плюмбум», а потом — «Слуга»... Как часть трилогии, успешной, разумеется, где вам, по выражению Райзмана, «удалось вбить кол в завершающий этап времени», расставив точки над «i». Хотя мне почем-то хочется поставить в финал «Парад планет». А поскольку «Слуга» появился, когда народ обладал обширной информацией и начал уже кое-что сопоставлять, то...

— Но и уставить слегка, это я тоже понимаю.

— Возможно. И все-таки он сказал о многом. О том, что же можно сделать с человеческой личностью, и о том, что может позволить сделать с собой личность, даже талантливая, даже незаурядная. Во время эпизода, когда Клюев, посланный Гудионовым, приезжает в пансионат к Брызгину, меня даже удивила такая прямая филиппика Брызгина в адрес отсутствующего Гудионова: «Не из мести, но ради будущих поколений, ради самой жизни я сорву с тебя маску!..» Что же это они делают! А потом дошло: «Господи, они же оба одинаковые! Гудионов, обладающий властью, и Брызгин, которому Гудионов «свернул шею». Только второй — уже вне власти, но «если бы ему снова...» А тут уж и «плюмбум» подросли и тоже власти желают. Страшное и прекрасное кино вы сделали...

— Торопиться — плохо. Опоздать — еще хуже. Но сегодняшний день — время факта. Документального жанра, прежде всего. Слава Богу, что нет еще игровых фильмов о гласности.

— В эпоху скоростей надо думать помедленнее!

— Пожалуй. Что касается разговоров на тему «время было такое...» Так ведь во все времена, даже в самые страшные, находились люди — и мы сейчас хорошо знаем их имена, — которые делали только то, что диктовала им совесть. Работали писатели, художники, историки — когда и удавалось донести свой труд до общества. Эти люди благодаря своей интуиции предвосхищали то, что должно было произойти в обществе. Так же верно и то, что за каждым из них тогда, как и сейчас, оставалось и остается право выбора. Только вот беда — другого времени у нас не будет.

Вела беседу
Светлана ГЛАДЫШ.